

КОНФЕТНЫЙ АНГЕЛ

* * *

Будь ты алмаз,
ты рассекал бы стекло,
и витражный мастер
строил бы миражи.

Будь ты графит,
ты бы писал на стене
или на белой бумаге
тексты длиною в жизнь.

Но ты – глина,
белая глина,
со следом башмака на щеке,
смятый кувшин.

Есть только шанс у тебя,
шанс у кувшина, –
стать дудкой Божьей
и, после Обжига,
петь для глубин
и вершин.

* * *

Сибирский негр Никита Зонов
шёл с перевязанным локтём,
на нём ушанка из бизона
и эспаньолка уголком.

Куда ты, шут, не брёл, но бредил?
Где звуки пробовал на зуб?
Почто ты ущелил соседа
и был с ним груб?

А шёл Никита в чисто поле.
И ударялся оземь там.
И соколом летел на волю,
ко всем стихам!..

ОРФИЧЕСКОЕ

триптих

1.

Ты спал и плакал сегодня во сне
о всех, почивших в чужой стороне,
о всех, проигравших в любовной войне
и просто – в войне.

Ты спал и плакал, и звал меня.
И я воскресала, твой зов храня,
и выносила тебя из огня,
и снова ты спал и плакал.

2.

Орфей оглянулся, –
и Эвридика тает...
Он выходит из ада
по каменистой тропке
мимо кустов шиповника,
сгорбившись от отчаянья.
Слёзы срываются с каменного
подбородка.
Ноги его крепки
в летучих сандалиях.
Руки крепки. Но лира
почти бесполезна.
Сквозь стену его плача
тенью бесслезной
ей не пробиться...
И Эвридика тает...

3.

Орфей, здравствуй.
Всё-таки ты бессмертен!..
Снова пришёл за своей Эвридикой?
Ищешь среди живущих,
не нашёл среди мёртвых?
Нет, эта мысль не кажется мне дикой.
Я вот тоже долго искала
своего Орфея.
Под землёй искала, в садах
и на Спящей башне...
У него – моя лира!

И, сердцем его владея,
я могла бы поведать миру
о чём-то непреходящем...
Но не нашла!..
Все мы – заложники мифа о доброй фее.
Ну, иди, ищи свою Эвридику.
А я останусь ждать своего Орфея
на этой поляне солнечной,
усыпанной голубикой.

МЫ, ТРОЕ

Девушка в шляпке
с бумажным цветком,
в платье в горошек
с приталенным пиджачком,
на велосипеде с дамским седлом,
с красною рамой: мама.

Дяденька плотный
с бритым лицом,
в косоворотке и босиком,
с засученными штанами,
в пиджаке с карманАми, –
держится молодцом: будет отцом.

В кокон спелёнутый
крупный младенец
с красным орущим лицом
на подоконник скатился яйцом,
пал и уснул, снул.
«Ах, потерялся!», – дом обыскался!..
Вдруг кто-то снизу сипло ревнул:
«Й-а-а! Й-а-а!» – я.

ГУ

Мне два года.
Я блондиночка,
белёсая, как лунь,
и живу в деревне Шаберды,
Удмуртия, июнь.
И мои босые лапки
по дороженьке пылят.

И гусей большое стадо
по дороженьке пылит.
Вдруг огромный белый Гусь
разогнал в деревне грусть.
Надо мною он взорлил,
Затрубил-заголосил,
приземлился на макушку!
Мол, нашёл себе подружку!
Вот попала я впросак!..
Вот же наглый ты, гусак!
Папа с бабушкой спасли:
Растащили, разнесли!

Это первая картинка
из двухлетия моего:
гусь поехал на блондинке,
Га-га-га и Ого-го-го!
Я, конечно, ни гу-гу,
не заплакала.
Только слёзки, у-гу-гу,
сами капали.

Ты мне память отворил.
Ты мне долю объявил:
Что со Звуком подружусь!
Губы. Гули. Гусли. Гусь!..

* * *

Красивый восточный грустный
мастер с грифом: «Женат»
творит в своей будочке узкой,
а рядом сидит жена.
Она и заказ ваш примет,
И цену укажет, и срок.
И от себя накинёт,
коли каблук высок.
Красивый восточный мужчина
глянет из-под бровей...
Дал ты мне, господи, сына...
Дай ему жён добрей...

* * *

А время – уходит.
Стихи остаются.

В них плачет любовь
в небо посланной птицей.
И девочка плачет,
и плачет старушка.
А мальчик играет
с серьёзной игрушкой,
с серьёзною миной,
с небесною ратью,
играет, играет,
не наиграться...

* * *

Смысл найдёшь спозаранку,
кинь же пятак под пятку.
А умирать рано,
да и не ново, так-то.

Время великой битвы
чёрного ветра – с белым.
А на арену рвётся
ядерная королева.
Так что лежим – тихо,
молимся, чтобы мимо
прогрохотало Лихо,
протелепала мина.

* * *

Снайперы снимут сапёров.
Наши – их.
Ночью ползут минёры.
Танк – стих...
Жухнут сады окраин,
стонет-стынет земля.
Кто в этой битве крайний?
Ты. Я.

* * *

Этот удар пропускаем, сердце.
Сердце, молчи.
Мимо проходит не Он,
только его лучи.
Нимб его.
Пламя его вокруг ног.
Сердце пушистое,
как эдельвейс-цветок.

С пальцев стекают синие
ёжики – нити огня...
Ты ли, любовь моя, – снова –
мимо меня?

Теперь уже поздно.
Теперь уж иной свет
примет в объятья там,
где пока нас нет.

И всё же, тебя провожая
взглядом прощальным
в земной путь, –
будь, говорю я, любимый мой,
будь!..

* * *

Часовой механизм повреждён.
Время битвы есть время бойни.
На вершине вращения времён
я сажу под часами без боя.

КОНФЕТНЫЙ АНГЕЛ

Памяти Виктора Малинина.

Ты приходил походкой ветреной –
прожжённый солнцем капитан, –
и угощал меня конфетами, –
и прочих дам...

Ты брал гитару, – струны плакали, –
и голос, дребезжа, летел, –
мужики, бывалоча, крякали,
когда ты пел.

А пел – о долюшке – судьбинушке,
об участии земной,
да о заре, заре-малинушке,
да о земле, земле родной.
И вот уходишь, не простившись,
«В поля, на волю, на простор»,
конфетный ангел, много пивший,
битюг усталый,
ветер гор.